
Игорь ЯКОВЕНКО

КЛЯТВА ГАННИБАЛА

В 239 году до н. э. по требованию своего отца Гамилькара Барки его сын — девятилетний мальчик Ганнибал — в городе Карфагене у алтаря великого бога Баала-Хаммона¹, поклялся, в том, что никогда не будет другом римского народа.

Глава патриотической партии Карфагена Гамилькар Барка отправлялся из Карфагена в Испанию командовать войсками в новых испанских колониях. События разворачиваются после проигранной Карфагеном Первой Пунической войны. В глазах Гамилькара Рим был главной и смертельной опасностью для его родины. Борьба с Римом виделась целью жизни и условием сохранения Карфагена.

Вот как описывал этот момент своей жизни Ганнибал на склоне лет, в разговоре с селевкидским царем Антиохом III Великим (223–187 до н. э.): «Когда, Антиох, я был еще малым ребенком, мой отец Гамилькар как-то во время жертвоприношения подвел меня к алтарю и заставил поклясться, что никогда не буду я другом римского народа. Под знаком этой клятвы я воевал 36 лет, она же изгнала меня из отечества во время мира, она привела беглецом в твой царский дворец, и если ты обманешь мою надежду, я, ведомый все тою же клятвой, разужавая, где еще есть военные силы, где есть оружие, по всему свету стану искать и найду врагов римлянам. Так что если твоим приближенным любо множить перед тобою мои вины, пусть они поищут для этого другой повод. Я ненавижу римлян и ненавистен им! Свидетелями правдивости моих слов да будут мой отец Гамилькар и боги».

Вся жизнь Ганнибала прошла под знаком данной им клятвы. Один из величайших полководцев и государственных деятелей древности, Ганнибал был заклятым врагом Римской республики и последним значимым лидером Карфагена перед его падением. Судьба Ганнибала трагична и поучительна.

В чем причина противостояния Рима и Карфагена и, далее, в чем кроется причина поражения Карфагена? Если говорить об этом серьезно, надо начать с того, что к рубежу первого и второго тысячелетия до новой эры в истории человечества происходит качественный сдвиг. После нашествия народов моря в XIII веке, ко-

Игорь Григорьевич Яковенко родился в Винницкой области Украинской ССР. Окончил Московский лесотехнический институт (1969) и аспирантуру Института философии АН СССР (1982). Российский культуролог и философ. Доктор философских наук, член бюро научного совета РАН «История мировой культуры». Автор 260 публикаций, в том числе одиннадцати монографий, среди которых книга «Российское государство. Национальные интересы, границы, перспективы» (2008). «Познание России: цивилизационный анализ» (2012) и «Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение» (2014). Соавтор книги «История России: конец или новое начало?» (2005). Лауреат премии журнала «Нева». Живет в Москве.

¹ Один из главных богов карфагенского пантеона. Заметим, что имя мальчика Ганнибал производно от Баала.

торые смели в Средиземноморье зажившиеся раннерабовладельческие общества, принадлежащие к первому поколению государственности, ослабили Египет и разрушили сложившуюся политическую и экономическую реальность, в XII веке до н. э. начинается возвышение Финикии. На ее территории социальная и культурная реальность складывается заново, причем, в известном смысле, на голом месте. А в таких случаях возникает возможность формирования нового исторического качества. Классический пример — средневековая Европа, возникшая на пространствах разрушенной варварами Римской империи.

Территорией, за которой закрепилось название Финикия, называют полосу побережья Средиземноморья длиной две сотни километров, отделенную от континента грядой крутых Ливанских гор и шириной не более 30 миль. Левантское побережье изобиловало маленькими заливами, укрытыми скалами. Земледелие на таком пространстве не могло прокормить людей. Кроме того, здесь скрещивались важнейшие торговые пути древности. Во все времена местные гавани были центрами обмена товарами между Передней Азией, Эгеидой и Египтом. Иными словами, ландшафтно-климатическая и геополитическая реальность страны делала торговлю (прежде всего морскую, но не только) основным родом занятий. Финикийцы, поселившиеся на этих землях, осваивают рыболовство, строят города, затем переходят к морской торговле на пространствах Средиземноморья, принимают и посылают караваны в глубь Передней Азии. Вслед за транзитной торговлей, как всегда, развиваются ремесла (украшения из стекла, производство красок и тканей).

Наше понимание логики всемирно-исторического процесса склоняется к тому, что общества Финикии представляли собой первую итерацию формирования нового исторического качества — модели полиса. Складывается город-государство, в котором отсутствует или отходит на второй план обязательный для восточных обществ государственный сектор, и в этом одно из коренных отличий полиса от «номового» государства Передней Азии². На место храмовой экономики государств Древнего Востока приходит общинно-частный экономический сектор, или полисная экономика. Новые города-государства управлялись общинными органами самоуправления. Принадлежащие государству хозяйства также управлялись органами городского общинного самоуправления. Собственниками земли могли быть только полноправные члены городской общины. Помимо права на частную собственность, рабов и имущество, они имели право участвовать в самоуправлении и доходах полиса. Формируется уникальное для обществ Древнего Востока явление — полисная солидарность, которая была одновременно и правом, и обязанностью граждан вплоть до того, что они в массовом порядке, не на словах, а на деле (как о том свидетельствуют сохранившиеся исторические известия) ставили интересы полиса выше личных или узкосемейных.

Новое историческое качество дает финикийцам конкурентное преимущество. Финикийские города богатеют, по мере освоения Средиземноморья финикийцы расселяются по берегам и на островах, основывая новые поселения, которые со временем превращаются в процветающие полисы.

Как мы помним, общественное разделение труда с необходимостью порождает торговый обмен. Однако торговля как специфический род деятельности обладает собственной природой. Прежде всего, торговля рождает товарное производство. Далее, разворачиваясь и оформляясь в истории человечества (а на это ушли тысячелетия), торговля и, шире, вырастающее из нее предпринимательское сознание формируют органичный для себя социокультурный универсум: особую типологию мыш-

² Например, см: Дьяконов И. М., Яковсон М. А. Номовые государства. Полисы. Царства. Империи. Проблемы типологизации. Вестник древней истории 1982/2.

ления, тип личности, систему отношений, общественные практики, мировоззрение, политическую систему и так далее.

Коммерческая деятельность требует: самостоятельно принимать решения, реализовывать их и нести всю полноту наступающей ответственности. Иными словами, требует выражено субъектных характеристик человеческой личности. В этой ситуации субъектность, самостоятельность и независимость формируются с необходимостью. Базовый тип человека традиционных восточных обществ — верноподданный, исполнитель повелений иерархии. Субъектная природа коммерсанта вступает в конфликт с требованиями традиционно восточного общества. А поскольку человеческая психика целостна, успешный купец не принимает и тяготеет к роли холопа.

Однажды в истории человечества складываются общества, основной род деятельности в которых составляет торговля. *Эти общества с необходимостью тяготеют к политическим моделям демократии и гражданскому обществу*, исключая традиционную модель общественного устройства государств первого поколения, опиравшихся на государственную экономику и сакральную власть. Модели демократической государственности нащупываются, совершенствуются и оттачиваются в торговых республиках, городах-государствах, конституционных монархиях, ставших на путь капиталистического развития. Демократическая государственность фундаментально противостоит тенденции сакрализации власти, рассматривая власть как социальный институт, созидаемый и воспроизводимый гражданами.

Вот как описывает карфагенское общество Олег Ивик: «Карфаген был республикой, и, хотя руководили государством олигархические советы и избираемые из числа богатых и знатных граждан магистраты, народ имел огромные права. Высшая власть принадлежала народному собранию; была очень развита общинная собственность, и даже имущество храмов контролировалось общиной. Это приводило к тому, что каждый карфагенянин чувствовал себя, прежде всего, частицей своего государства и ставил общественные интересы выше личных. Когда родине грозила опасность, большинство граждан были готовы пожертвовать ребенком ради государства»³.

Произошел исторический прорыв к новому качеству. Город-государство, товарное хозяйство, торговля как системное основание общества и культуры, утверждение гражданского самосознания, качественно отличающегося от сознания традиционного подданного. Отсюда — конкурентное преимущество по отношению к соседним обществам, хозяйственный рост, рождение массы инноваций.

К примеру, первая в истории человечества реклама дошла до нас от финикийцев. Финикийцы писали рекламные тексты на скалах и отрогах бухт, в которые входили и из которых выходили корабли. Стены римского города Помпеи, погибшего в результате извержения Везувия в 79 году, исписаны разнообразной рекламой, как коммерческой, так и политической, но это уже I век новой эры.

Самое главное порождение финикийского гения — создание алфавита, что стало культурной революцией общемирового значения. Переход от иероглифического или слогового письма к алфавиту резко упростил обучение грамоте. Из замкнутой касты грамотные люди превращаются в активный слой общества, а общество обретает мощный инструмент саморазвития.

Однако в сфере познания и осмысления мира финикийцы остались в рамках предшествующей восточной традиции. Здесь необходимо еще одно отступление. Историки философии и науковеды выделяют вавилонский и греческий пути развития научного знания. Так, вавилонская, как и египетская, математика лишены си-

³ Ивик О. История человеческих жертвоприношений. М., 2010.

стемы доказательств, раскрывающих закономерную связь между теми или иными параметрами исследуемого объекта. Вавилонские писцы могли измерить диаметр круга и из таблицы узнать, чему равняется площадь такого круга. Грек же имел перед собой формулу, позволяющую вычислить площадь любого круга, исходя из диаметра. Но различие между вавилонской и греческой стратегией познания реальности гораздо шире геометрических компетенций.

Обобщая, греки (которые пришли существенно позже финикийцев в VII—IV веках до н. э.) сделали следующий шаг на пути формирования новой исторической реальности и заложили основания европейской цивилизации.

Античная культура сформировала знание особого типа — систематическое, объективированное и доказательное. В обществах, где вся субъектность стягивается к иерархии, власть выступает интерпретатором традиции и источником истины. Апелляция к авторитету — решающий аргумент. Личностная установка и демократическая традиция требуют опоры на собственные силы гражданина в познании реальности. Отсюда вкус к рассуждению, логика, опора на рациональное сознание, культура дискуссии.

Люди полиса целыми днями сидели на форуме, участвуя в обсуждении внутри- и внешнеполитических вопросов, участвовали в судебных заседаниях, избирали должностных лиц. Этот род деятельности требовал умения формулировать свои мысли, ясно изложить свою точку зрения, адекватно понимать высказывания другого, то есть способности к рациональному мышлению. Высокий уровень развития экономических отношений (частная собственность, товарное производство) определял и преимущественное развитие абстрактного мышления. Развивая рациональный способ постижения мира, греки создали метод мышления и технологию рационального рассуждения — дискуссию как базовую стратегию познания.

Греческий автор так описывает типичную картину воспитания и профессионального образования карфагенянина. Финикийский купец брал шестилетнего ребенка на корабль, и он плавал с отцом до совершеннолетия. К этому времени ребенок постигал все тонкости купеческого ремесла. Перед нами — сквозное экономическое образование, о котором можно только мечтать. Чему же конкретно учили карфагенского подростка? В наших терминах это можно назвать так: математике, бухгалтерскому учету, иностранным языкам, географии Ойкумены, правовым нормам, актуальным как на родине, так и в странах пребывания, правилам вождения корабля, искусству ориентироваться в море по звездам, искусству вести переговоры и договариваться.

Как можно обобщить целевую функцию такой стратегии образования. Она существенно прикладная, направленная на формирование знаний, навыков и компетенций, необходимых активному члену карфагенского общества в его профессиональной и гражданской жизни.

А сына состоятельного грека после усвоения азов — навыков чтения и письма, знакомства с сакральными текстами (Гомер) — обучали риторике, логике и философии. Погружали в нескончаемую школу обучения и оттачивания искусства диалога и дискуссии. И только в контексте освоения этого базового пласта культуры античного мира погружают в специальные дисциплины: математику, географию, историю, формируют практические навыки и обучают необходимым технологиям.

Заметим, что восходящая к традиционной культуре и вырастающей из нее модели социализации российская система образования тяготеет к финикийской модели. В России учат компетенциям, алгоритмам решения задач, а не мышлению, как универсальной стратегии познания и разрешения любых практических задач. Российское образование категорически отторгает искусство дискуссии, понимаемое

на Западе как базовый способ постижения реальности и выработки согласованных решений.

Одним словом, в Греции, а затем в Риме складывается качественно отличный от древневосточного универсум культуры, со своим образом жизни, практиками общения, иерархией социальных статусов, новым местом женщины. Здесь показателен Перикл — знаменитый оратор и полководец, государственный деятель эпохи максимального могущества Афин. Его гражданская жена Аспасия, говоря современным языком, держала салон, в котором принимали философов, художников, ученых. По свидетельству Плутарха, «Сократ иногда ходил к ней со своими знакомыми... чтобы послушать ее рассуждения». Восточный владыка общается со жрецами, военачальниками, придворными. Это общение пронизано иерархическими отношениями. Греческий лидер, за рамками служебных отношений, как частный человек общается с интеллектуальной элитой, творческими людьми.

В этом отношении Перикл выступает как модельный персонаж. Имя друга Октавиана Августа, Гая Цильния Мецената как поклонника искусств и покровителя поэтов потому и стало нарицательным, что этот род увлечений обрел высокий культурный статус. Культура греко-римской античности пронизана гуманитарными интересами, предполагает погруженность состоявшегося, образованного человека в ценности высокой культуры.

Общий блок культуры, лежащий за рамками прикладных знаний и технологий, определяет архитектуру сознания и имеет огромное значение. Он задает масштаб человеческого мышления, диктует качество принимаемых решений и определяет *стратегические* преимущества общества, овладевшего описанным рубежом постижения и переживания реальности. Последние пять веков глобального доминирования западнохристианского мира, того целого, которое сегодня называют евроатлантической цивилизацией, заданы описанным нами качеством сознания.

Рациональное мышление — стратегия, дробящая синкретизм в сознании человека. Она переводит процессы постижения сути некоторой проблемы и выработки пути ее разрешения из пространства вживания в проблему, магического уподобления, схватывания (а все эти процессы непостижимы для субъекта действия, ответ приходит как озарение), в пространство осознанной работы интеллекта, где каждый элемент осмыслен, поддается критике, гносеологической и методологической рефлексии.

Такая трансформация сознания революционна. Она задает переход на стадийно последующую ступень исторического развития, а в синхронном аспекте несет решающие стратегические преимущества. Все это произошло в рамках греко-римской античности. О вкладе греков было сказано выше. Рим развивал и продвигал описанный нами универсум, а от себя внес два ключевых момента — римское право и империю. Доминирование евроатлантической цивилизации задано описанной нами трансформацией сознания, закрепленной в базовых параметрах культуры, институтах образования и социализации.

Наконец в Греции оформляются и закрепляются на века само понятие античного полиса и традиция полисного жизнеустройства, которая не прерывалась в Европе на протяжении двух тысяч лет и участвовала в рождении Нового времени. По определению И. Сурикова, полис — городская гражданская община, конституирующая себя в качестве государства⁴. По словам Фукидида, «полис — это люди, а не стены города и не корабли». Этот вклад древних греков в общемировую историю неоценим.

⁴ Суриков. И. Е. Солнце Эллады. СПб., 2008. С. 23.

Характерно, что карфагеняне осознавали дистанцию между культурами Греции и Карфагена. То, что у конкурентов культура качественно иная, финикийцы и карфагеняне понимали. Однако их реакция на это соответствовала реакции старообразцев, проклинавших любые заимствования с богопротивного Запада. В Карфагене существовал старинный закон, запрещающий изучать греческий язык. Отец Ганнибала, пренебрегая этим законом, учил сына языку и вводил его в греческую культуру. И это характеризует интеллектуальный уровень Гамилькара Барки.

Для того чтобы завершить список интересующих нас народов, надо добавить в него евреев, родивших, выстрадавших и выносивших идею единого Бога. Монотеизм отсекает общества первого эшелона мировой истории и зримо, на идеологическом уровне, утверждает наступление другой эпохи. Евреям не слишком повезло в истории. Они были лишены своего государства, пережили рассеяние, но самосохранились, воздействуя на страны пребывания в качестве диаспоры.

Четыре торговых народа Средиземноморья — финикийцы, греки, евреи и римляне — сформировали новое историческое качество, развивали и совершенствовали его в течение полутора тысячелетий. В результате первое поколение цивилизаций ушло в прошлое. А традиционные общества, наследующие системным основаниям первых цивилизаций, навсегда ушли в тень, превратились в периферию исторического процесса.

В римлянах характеристики торгового народа были выражены в меньшей степени. Хотя такие черты, как практичность и расчетливость, не только прослеживаются в римском характере, но в той или иной мере наследуются романоязычными народами Европы.

Итак, греки реализовали следующую итерацию рождения нового качества. В силу особенностей климата и почвы Греция мало подходит для земледелия (каменистая почва), зато омывается Средиземным морем, берег полон проливов и бухт, страна окружена островами и островками, которые на первых порах развития мореплавания облегчают каботажное плавание. К тому же Греция находится на перекрестках морских торговых путей. Так же как и Финикия, Греция пережила так называемые «темные века», или предполисный период с XI до VIII века до н. э., который начался после дорийского вторжения и заката микенской цивилизации и закончился с началом расцвета греческих полисов.

Рост греческих городов, так же как и в Финикии, привел к расселению греков по всему Средиземноморью. Разворачивается неизбежная конкуренция с финикийцами. Поскольку греки воплощали следующую итерацию процесса рождения нового качества, они в этой конкуренции скорее доминировали. Однако греки не смогли выйти за рамки полиса и создать эффективную государственную структуру, интегрирующую большие пространства. Здесь мы касаемся еще одной темы, требующей развернутого комментария.

«Италию мы уже создали, теперь надо создавать итальянцев», — говорил Камилло Кавур, один из объединителей Италии, и эти слова стали лозунгом итальянских патриотов. Для людей, далеких от исследования истории, они могут звучать как парадокс. Между тем Кавур фиксировал реальную и серьезную проблему, которая имеет отношение не только к Италии.

К примеру, та же проблема стояла перед национально мыслящими германскими патриотами, которые, обращаясь к соплеменникам, призывали их к национальному единству. В 1841 году Гофман фон Фаллерслебен написал текст — «Патриотический гимн немцев». «Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt...» (Германия, Германия превыше всего на свете). Положенные на музыку Гайдна эти слова позже стали гимном Германии. Речь идет о том, что единая Германия выше

локальных идентичностей, выше тех 35 суверенных монархий и четырех свободных городов, входивших в 1841 году в Германский союз.

Дело в следующем: на заре истории товарное хозяйство, феномен гражданина, рациональное сознание, демократические институты и автономная личность могли сложиться *только в торговом городе-государстве*. В этом случае все перечисленные характеристики сплавлены воедино с *локализмом* полисного сознания. Следующая итерация всемирно-исторического процесса требовала перехода нового качества, обретенного в полисе, на уровень большого государства. Задача интегрирования больших пространств вступала в неразрешимое противоречие с полисным локализмом. Империя как универсальная модель, монотеизм и мировые религии как интегратор поверх различий «эллина и иудея, варвара, скифа, раба, свободного» (Павел 1: 1); наконец, национальные государства, складывающиеся в эпоху утверждения секулярного сознания, — все эти феномены требуют преодоления локализма: полисного, племенного, территориального.

Преодоление локализма — задача огромной важности, возникающая на определенных этапах государственного строительства. Вне общей идентичности нет единого государства, нет готовности бороться и умирать за большую, общую родину. И эти соображения имеют прямое отношение к теме нашего исследования. Как пишет И. Кораблев: «Победила римская государственная и военная организация, позволившая Риму более эффективно, чем это сделал Карфаген, мобилизовать свои ресурсы»⁵. Он же указывает на то, что карфагенские колонии в Испании не участвовали во Второй Пунической войне.

Путь от полиса к большому государству — процесс сложный и внутренне противоречивый. Интегрирование больших общностей подталкивает эволюцию в направлении традиционных моделей общества и культуры, хорошо отработанных Древним Востоком. Сильная власть, необходимая для создания больших государств, утрачивает зависимость от породившего ее общества. Сословие правителей начинает воспринимать граждан как подданных, а свою власть как исконную и богоданную. Медленно, но неотвратимо вчерашний гражданин превращается в холопа.

Первая попытка была сделана греками. Собственно греческие полисы энергично сопротивлялись гегемонии Афин и стремились сохранить свою независимость. Однако к середине IV века до н. э. переживавшие «кризис полиса» города-государства были завоеваны македонским правителем Филиппом II. А его сын Александр Македонский завоевал огромные пространства Востока и реализовал политический курс на создание единого государства, объединявшего греков и варваров⁶.

Наследовавшие ему диадохи ушли на Восток, в центры завоеванных государств. Взяв от Востока сакральную власть и устойчивую имперскую традицию, они обрели себя на жизнь в азиатской реальности, в обществах, для которых деспотия — естественное и единственно возможное состояние. В объемном отношении традиционно восточный человеческий материал резко превосходил тяготевших к городам греков. В результате, обживая новые пространства, греки утрачивают собственно греческое полисно-античное качество и незаметно для себя превращались в привилегированное сословие традиционных азиатских империй. За три-четыре века государства диадохов деградировали и превращались в нормальные восточные империи.

Создать эффективную государственную структуру, интегрирующую большие пространства, при условии сохранения исходного социокультурного целого, удалось Риму, в рамках которого сформировалась греко-римская целостность, впитав-

⁵ Кораблев. И. Ганнибал. М.: Наука, 1976. С 153.

⁶ Античные греки называли «варваром» всякого не грека.

шая достижения греческой античности. Ко всему этому Рим добавил римское право, железную волю и неиссякаемую энергию молодой империи.

Работа по созданию империи разворачивалась на северном побережье Средиземноморья, в зоне, не охваченной древневосточной традицией. Стоит иметь в виду, что Южная Италия и Сицилия были охвачены греческой колонизацией с VIII века. Сам город Рим складывается как полис. Формируется городская община, складываются полисные традиции и институты (Народное собрание, Сенат). К 287 году до н. э. плебеи добиваются политического равноправия. Общество консолидируется, и Рим продолжает территориальную экспансию на континенте.

Важно зафиксировать, что рост римского государства происходил таким образом, что входившие под власть Рима города сохраняли полисное самоуправление. Построение централизованного государства происходит с сохранением полисно-античного качества. Государство берет на себя функции внешней политики, вводит единое законодательство, общегосударственное налогообложение. Однако внутренняя жизнь провинций соответствует полисной традиции. Демократические институты, самые разнообразные объединения и коллегии позволяют сохраняться сознанию и формам социальности, сложившимся в мире греческой античности.

Заметим, что Римская империя, давно пережившая стадию города-государства, веками держалась за символы прошлого. Со слов «*Urbi et orbī*» (Городу и миру) начинались важные объявления в Древнем Риме, а затем эту традицию унаследовали римские папы. Вплоть до рубежа III и IV веков римляне называли свое государство республикой.

Кроме того, формируя империю и отработывая модели отношений «центр-периферия» Рим демонстрирует известную гибкость: привлекает элиту покоренных провинций перспективой включения в римский образ жизни и культуру, распространяет нормы полисного самоуправления, использует дарование римского гражданства как действенный рычаг ассимиляции. Наконец, Римская империя формирует систему гибких договорных отношений с провинциями, а также формирует особую категорию граждан — «федератов», которые создавались из варваров, селившихся на «эвакуированных» территориях и защищавших римские границы от нападавших. Все это существенно отличает Рим от традиционных восточных империй древности.

Добавим к этому следующее важное замечание: институты и традиции, сложившиеся в греческом полисе и веками оттачивавшиеся в теле Римской империи, пережили Рим и расцвели по завершении «темных веков» в средневековом городе. Коммунальная революция XII—XIII веков в практическом плане привела к городской независимости. А в более широком — возвестила о рождении нового исторического качества. Причем это качество преемственно по отношению к античному городу. Иными словами, описываемые нами формы культуры и социальности относились к базовым характеристикам европейского (античного по своему происхождению) города. Волны варваров, крах государства, жестокий упадок городов не размыли названные основания, которые возрождаются при первой возможности.

Часто под новыми названиями, однако, сохраняется суть, *spiritus* исходного феномена. Цеховые корпорации средневековья со своей иерархией, праздниками, корпоративной солидарностью восходят к римским коллегиям, объединявшим людей, в том числе и по общности профессий и таким же самосознанием, формами общения, солидарностью. Милиция, то есть вооруженное ополчение средневековых городов-государств, восходит к милиции греко-римской античности. Цеховое, а вслед за ним и городское самоуправление на территориях, связанных с наследием Рима, обычно копировало позднеримские институты. Обобщая, подъем

городов и расцвет городского строя в Европе стал полем восстановления и дальнейшего, качественного развития античной традиции.

Итак, в отличие от греков, Риму удалось решить проблему интегрирования больших пространств в рамках нового — античного — качества, не свалившись в болото азиатской империи. Понятно, что в таком виде эту задачу не формулировал никто из субъектов действия. Однако история хитрее людей. Она варьирует ландшафтно-климатические, геополитические и другие условия таким образом, что однажды складывается ситуация, благоприятная для рождения нового феномена. Именно поэтому у Рима получилось. Тем не менее дальнейшее развитие событий толкало империю к трансформации в традиционную имперскую структуру. В I—II веках, охватив Средиземноморье со всех сторон и ассимилировав государства диадохов, Рим выходит в соприкосновение с Персией и инкорпорирует огромные массы традиционно азиатского человеческого материала. Античное общество не складывается на новообретенных пространствах и вырождается на пространствах собственно европейских. При императоре Диоклетиане (284—305) происходит важное символическое событие: завершается эпоха принципата и начинается эпоха домината⁷. В правительственном письме от имени прокураторов⁸ Диоклетиан написал: «Государь наш и бог повелевает (Dominus et deus noster sic fueri iubet)...» Правитель как живой бог — тот образ сакральной и абсолютной власти, который давно отработан Востоком. Республиканские традиции не были уничтожены полностью, но отступили в отдельные зоны и спустились на более низкий уровень.

Римское качество сохраняется от дальнейшей деградации с разделом империи в 405 году. Западная Римская империя потихоньку угасала, отрабатывая новые социальные модели, по-настоящему востребованные позже, средневековым обществом: формировала сословия, переводила рабов в статус колонов (то есть посаженных на землю крепостных) и т. д. Но дальнейшая трансформация в направлении восточных моделей прекратилась. Восточная Римская империя выдержала натиск варваров и просуществовала тысячу лет. И хотя подданные византийского императора называли себя «ромеями», то есть римлянами, сама Византия и ее подданные были качественно иными относительно античного Рима.

Собственно европейское историческое качество, преемственное от греко-римской античности, возрождается на нашем континенте и формируется заново с разворачиванием средневековья. Суммируя, примерно полторы тысячи лет европейский эйдос развивался более или менее изолированно⁹. Во время Первой мировой войны начинается процесс массовой миграции афро-азиатского населения в Европу. И с этого времени ситуация меняется.

Здесь мы касаемся еще одной важной проблемы: Рим и средневековая Европа могли ассимилировать варваров. Носитель культуры и сознания, соответствующего предшествующей стадии исторического развития, с большим или меньшим трудом вписывается в конкретную цивилизацию. Другое дело — стадияльно соответимый человеческий материал. Переход из одной цивилизации в другую — исключительно сложный, энергоемкий и болезненный процесс. Такого рода трансформация возможна (подчеркнем, не обязательна и неизбежна, но возможна) при соблюдении важнейшего базового условия — выдерживания пропорций в соотношении ассимилирующего целого и корпуса мигрантов.

⁷ Принципат — глава государства «принцепс» формально считался первым гражданином республики. Доминат — император становится господином, а все остальные — сыновьями или рабами.

⁸ Прокуратор — крупный государственный чиновник в империи.

⁹ Можно вспомнить арабов в Испании и турок на Балканах, но эти эпизоды носили локальный характер и разворачивались на периферии Европы.

Условно говоря, устойчивое социокультурное целое может ассимилировать в течение жизни двух-трех поколений 10 % своего объема. Гарантий никаких нет. Мигранты могут окулиться, встать на путь противостояния, сконцентрироваться на небольшой территории и пытаться обрести политическую независимость. А могут пойти по пути постепенного, неуклонного вписания в культуру своей новой родины. На некотором этапе этого процесса (чаще во внуках и правнуках) происходит признание исповедальных ценностей и более или менее полная ассимиляция.

Однако если пропорции существенно нарушены и/или, не дай бог, мигранты обретают политическое господство — вектор ассимилятивного процесса меняется и разворачивается обратная ассимиляция. Эти процессы можно было наблюдать на территориях Византийской империи, захваченных Арабским халифатом, либо на территориях Малой Азии, вошедших в Османскую империю. Миллионы потомков «ромеев», крестоносцев, эллинизированного населения Малой Азии переходили в ислам и смешивались с завоевателями.

Иногда это происходило по историческим меркам стремительно. После турецкого завоевания жители Боснии, исповедовавшие еретическую с точки зрения ортодоксии религию попа Богомила, вместе со своими князьями перешли в ислам. То же после арабского завоевания происходило с жителями Египта. Монофизиты и несториане Ближнего Востока, которым Константинополь навязывал халкидонскую веру, с чувством облегчения переходили в ислам.

Надо сказать, что сегодня на наших глазах драма трагической диалектики Запада и Востока разыгрывается в третий раз, после диadoхов и Римской империи. Колониальное господство Запада в XVII — первой половине XX века завершилось ожидаемо. Разогретый Восток наносит «ответный удар». На этот раз необозримо возросшая мощь современной цивилизации позволила охватить весь земной шар. Соответственно, тренд торможения, блокировки и деградации, задающий перерождение Запада, вызван активизацией разбуженных обществ и обратным движением, исходящим из всех уголков и зон традиционного мира. Восток, понимаемый в самом широком смысле, восприняв от Запада элементы нового качества, активизировался и устремился (людьми, ресурсами, идеями) на Запад, стараясь снять мучительную дистанцию между этими сущностями, сделать из Запада нормальное восточное общество. Модернизированное, в той или иной мере продвинутое по шкале исторического развития, но восточное, органичное для себя, естественное.

Мы не знаем, чем закончится эта итерация диалектики Запада и Востока. Но то, что результат задаст судьбы мира, не подлежит сомнению.

Возвратимся к грекам и римлянам. Как показала история, безудержный империализм — плохая альтернатива локализму. Захват без разбора всего, что плохо лежит, обрекает народ-имперостроитель на сосуществование в рамках неинтегрируемого, взаимно противоречивого целого. Эта политика рождает непреодолимые проблемы и в стратегическом аспекте обрекает государство на распад. Именно поэтому безудержный империализм — достояние прошлого. К рубежу XVIII—XIX веков европейские политики начинают осознавать, что захват конфессионально и культурно чуждых территорий в Европе — занятие не только бесполезное, но и опасное.

Мучительно, шаг за шагом преодолевающий локализм человек двигался к модели национального государства. К примеру — объединение Германии. Когда Бисмарк утверждал: «Мы никогда не должны позволить прусской монархии терять свой характер в ленивой закваске южногерманского уюта», — им руководила точная историческая и культурологическая интуиция¹⁰. Деятельная протестантская Пруссия качественно отличалась от склонной к созерцательной жизни католической Юж-

¹⁰ Пальмер А. Бисмарк. Смоленск, 1998. С. 69

ной Германии. Для объединения Германии потребовалось длительное вызревание Пруссии. Подчеркнем, вызревание вне общегерманского единства. Только в такой конфигурации могло сформироваться и закрепиться то качество, которое после объединения было навязано всей Германии и обрело характер общенациональной ментальности. Немцы часто говорят о том, что знаменитый «*Ordnung*» и общегерманский энергетический импульс были принесены Пруссией. Для того чтобы «перелопатить» всю нацию, эти качества прежде должны были вызреть в отдельном локусе, войти в ментальность и социальную природу общества. Должно было быть накоплено, аккумуляровано некоторое количество движения. И только потом, опираясь на эту энергию, можно было не только объединить немецкие земли, но и претворить их в соответствии с прусским духом.

Обратим внимание и на такой момент. В рамках итерации, связанной с именем Бисмарка, совокупного импульса или преобразующей потенции Пруссии как общества, несущего новое качество, было достаточно для интеграции северо- и южногерманских земель, но явно не хватало для интегрирования, во-первых, католической и, во-вторых, не изжившей (в силу первого обстоятельства) имперское сознание Австрии. Аннексия Австрии (а после битвы при Садовой (3 июля 1866 года) в ходе австро-прусской войны эта перспектива была вполне реализуема) привела бы к откату новообразовавшегося целого назад. Пруссия неминуемо растворилась бы в той самой «ленивой закваске», которой так боялся Бисмарк. Итак, в диалектике локусов реализуются универсальные законы социокультурной самоорганизации, пронизывающие собой различные уровни европейского целого.

Надо сказать, что Бисмарк хоть и консерватор, однако — рационально мыслящий европеец. Для того чтобы прийти к пониманию всего сказанного, потребовались две тысячи лет, войны Контрреформации, наступление секулярного сознания (вспомним политику «*Культуркампа*»). История разворачивается в своем темпе. Впрочем, на восток от Германии политическая элита традиционной православной империи не осознавала стратегические риски интегрирования больших объемов иноцивилизационного и иноэтического целого еще целый век. Ту же картину не так давно можно было наблюдать в Королевстве сербов и хорватов.

Вернемся к истории Рима. В ходе Самнитских войн Рим превратился в гегемона всей Средней Италии. К 280 году до н. э. Рим проникает в Южную Италию и за десять лет подчиняет всю Великую Грецию (историческая область с древнегреческими колониями на территории современной Южной Италии). Иными словами, Рим становится крупнейшим государством Западного Средиземноморья и оказывается лицом к лицу с другим гегемоном этого региона — Карфагеном.

Столкновение Рима и Карфагена было битвой первой и третьей, завершающей версии нового исторического качества. Понятно, что в этой борьбе конечная победа Рима была неизбежна.

Вторая Пуническая война (218—201 до н. э.) стала важнейшим событием в истории стран и народов Средиземноморья. Победа Рима в соперничестве за мировое господство с другой величайшей державой эпохи — Карфагеном — на пять веков определила судьбы всего античного мира и историю человечества. Никогда, вплоть до своего распада, Рим не был так близок к гибели. Вторая Пуническая война породила большую историографическую традицию. Военные и политические обстоятельства конфликта, развертывавшегося на огромных пространствах в течение без малого двух десятилетий, описаны на удивление подробно разными авторами.

Вот что писали победители о Ганнибале — Тит Ливий: «Насколько он был смел, бросаясь в опасность, настолько же бывал осмотрителен в самой опасности.

Не было такого труда, от которого бы он уставал телом или падал духом. И зной, и мороз он переносил с равным терпением; ел и пил ровно столько, сколько требовала природа, а не ради удовольствия; выбирал время для бодрствования и сна, не обращая внимания на день и ночь, — покою уделял лишь те часы, которые у него оставались свободными от трудов; при том он не пользовался мягкой постелью и не требовал тишины, чтобы легче заснуть; часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спит на голой земле среди караульных или часовых. Одеждой он ничуть не отличался от ровесников; только по вооружению да по коню его можно было узнать. Как в коннице, так и в пехоте он далеко оставлял за собой прочих; первым устремлялся в бой, последним оставлял поле сражения»¹¹. Это не панегирик, написанный по случаю вступления на престол очередного солдатского императора, и не ода к юбилею «отца народов». Это характеристика *смертельного врага*, принадлежащая перу одного из классиков римского исторического знания. При всем этом Ганнибал был жестоким и вероломным. Тот же Тит Ливий продолжает: «Но в одинаковой мере с этими высокими достоинствами обладал он и ужасными пороками. Его жестокость доходила до бесчеловечности, его вероломство превосходило даже пресловутое пунийское вероломство. Он не знал ни правды, ни добродетели, не боялся богов, не соблюдал клятвы, не уважал святынь»¹².

Позволим себе одно замечание относительно обвинения в адрес карфагенян. «Пресловутое пунийское вероломство» состояло в том, что карфагеняне отказывались признать свое поражение и снова и снова поднимались на борьбу.

На момент разворачивания Пунических войн Карфаген был городом-государством, а Рим — молодой и энергичной империей. Город-государство в принципе не может одолеть империю в войне на истощение¹³. Заметим, что именно поэтому Великий Новгород был обречен на поглощение Московией. Для того чтобы победить в такой схватке, городу-государству надо было перестать быть самим собой. Перед нами типологически различающиеся структуры. Каждая из них может переживать эволюцию, но только в рамках системного качества. Выход за эти пределы невозможен. Если же предел перейден, то город-государство трансформируется в империю.

Города-государства появляются на морских торговых путях, переживают расцвет, могут объединяться в широкие федерации, обеспечивают социально-культурный подъем своих регионов, рост городов, по возможности создают колонии. Но однажды наступает неизбежный закат. Модель города-государства выработана, а переход в новое качество невозможен. Заметим, что интеграция этих пространств в некоторую целостность происходит только после уничтожения или буквального умирания предшествующего системного качества. Ни Ганзейский союз, ни средневековые морские республики Италии не породили ни империй, ни национального государства. Более того, на этих пространствах историческая альтернатива городу-государству — национальное государство в собственном виде (как Италия) или в форме достаточно эфемерной империи, менее чем за сто лет трансформировавшейся в нормальное национальное государство (Германия), возникают очень поздно — в 70-е годы XIX века.

В чем причина? В истории огромное, часто определяющее значение имеет структура идентичности. Родо-племенное мышление не равно мышлению человека государства. Имперская идентичность, политическим измерением которой выступает

¹¹ Тит Ливий: 21, 4, 5–8.

¹² Там же: 21, 4, 9.

¹³ Так же как азиатская традиционная империя в принципе не может одолеть империю европейскую и, шире, значительное европейское целое. См. опыт противостояния Османов и Европы.

сознание подданного правоверного императора, задает особое позиционирование в космосе, неравное позиционированию человека полисной культуры. Механизмы мобилизации ресурсов, чрезвычайно жесткие формы и механизмы консолидации, безжалостное уничтожение противника — все это вытекает из природы традиционной империи¹⁴.

Космос человека города-государства устроен совершенно по-другому. Локальное мышление предполагает взаимодействие на договорных началах. Ставку не столько на принуждение, сколько на оплату либо соучастие из сознания собственной пользы, оставляющее за союзниками право выбора, — все это делает торговую республику проигрывающей стороной в деле мобилизации ресурсов, что жизненно важно в войнах на уничтожение. А империи (особенно на этапе исторического подъема) сплошь и рядом ведут войны на уничтожение. Либо покоряют, либо буквально уничтожают противника, как Рим уничтожил Карфаген. Римская имперская армия состояла из ополченцев, армия Карфагена — из наемников. А это очень разные субстанции. Наемники склонны к бунту или дезертирству при малейших задержках жалованья. Ганнибалу не раз приходилось решать подобные проблемы со своей армией. Римские воины стояли до последнего, а если бежали с поля боя — безропотно шли на децимацию.

Великий воин древнего мира Ганнибал не был владыкой традиционной империи. Его политическое и человеческое мышление не восходило к моделям Ассирии и разворачивалось в иной плоскости. Наказать, показать бесперспективность захватнической политики и физически уничтожить — существенно различающиеся стратегии.

Вторая Пуническая война длилась 17 лет (218—201 до н. э.). На первом этапе этой войны Ганнибал совершил главную стратегическую ошибку: после разгрома Рима в битве при Каннах (крупнейшее сражение Второй Пунической войны 2 августа 216 года до н. э.) он не двинулся срочно на город, но ждал послов. Судя по всему, Ганнибал был не готов к реализации имперской стратегии *уничтожения* противника. После битвы начальник карфагенской конницы Магарбал сказал, что мечтает через четыре дня пировать на римском Капитолии. Ганнибал ответил, что ему нужно подумать. Тогда Магарбал произнес: «Не все, конечно, дают боги одному человеку. Ты умеешь побеждать, Ганнибал, но пользоваться победой ты не умеешь». Ганнибал видел цель войны не в уничтожении противника, а в установлении гегемонии Карфагена в Западном Средиземноморье и возврате Сицилии, Корсики и Сардинии.

Если Карфаген имел шанс победы в войне, то единственная возможность такой победы была связана *со взятием и разрушением Рима*. В августе 216 года Ганнибал обрел этот шанс, но не реализовал его. Все, что происходило после Канн (а война длилась еще 15 лет), было войной на истощение, которую Карфаген не мог выиграть в принципе.

Здесь мы сталкиваемся с качественной дистанцией в мышлении человека торговой республики и империи. Вспомним высказывание Марка Порция Катона Старшего прославившийся фразой: «Кроме того, я считаю, что Карфаген должен быть разрушен», которой он заканчивал всякое выступление в Сенате. Оно отчетливо демонстрирует природу политического мышления Рима. Побывав в Карфагене, активно восстанавливаемом после поражения во Второй Пунической войне (218—201 до н. э.), Катон выступил в Сенате и, потрясая гроздью спелого винограда, привезенного из Карфагена, убеждал коллег в необходимости разрушения Карфагена.

¹⁴ Смотри римскую практику наказаний в армии (децимация — казнь десятого солдата за бунт и дезертирство), а также казнь за засыпание на страже и т. д.

Этот эпизод в высшей степени выразителен. Карфаген — наш геополитический конкурент, он демонстрирует впечатляющую динамику. Именно потому, пока это в наших силах, его необходимо уничтожить. Катон говорил до прихода в Рим мировых религий. Ему не надо было облекать устремление к намеченным имперским целям в тогу священной борьбы за продвижение божественной истины. Есть социал-дарвинистская реальность: мы или они. Лучше стрелять первыми.

Что-то подобное мы слышали в 70-е годы прошлого века. Мысли эти звучали в узком кругу, но неизбежно расходились волнами и доходили до заинтересованной аудитории. Речь шла о судьбах европейского континента. Идея состояла в том, что если внезапно, решительно и по всему фронту, то в считанные дни можно дойти до Атлантического побережья. В этой ситуации США не решатся на ядерный ответ. В противном случае, рано или поздно, нас одолеют. Эти планы увязывали, в частности, с главнокомандующим объединенными вооруженными силами Варшавского договора маршалом И. И. Якубовским.

Надо сказать, что история, подобная ситуации после битвы при Каннах, произошла с Карлом XII в ходе Северной войны (1700—1721). В 1700 году, после разгрома российской армии при Нарве, Петр ждал шведов под Москвой. Однако Карл, вопреки мнению части своих генералов, остановился, полагая, что задача выполнена. И это была его главная ошибка. Война, которая длилась после этого два десятилетия, была проиграна Швецией, поскольку то была война на истощение государств со стадияльно соотносимыми армиями, но разительно отличающимися ресурсами. Швеция империя притязала на статус лидера в регионе, Россия же была огромной империей, переживающей модернизацию. Так же как и Ганнибал, Карл XII провел годы в изгнании (в Османской империи), затрачивая свои силы на провоцирование успешной войны Османов с Россией. В отличие от Ганнибала, окончившего жизнь самоубийством, Карл XII был убит при сомнительных обстоятельствах (то ли шальная пуля в траншее, то ли заговор шведской аристократии).

Вернемся к судьбе Карфагена. В конечном итоге в 146 году до н. э. полумиллионный город Карфаген был полностью уничтожен, а оставшиеся в живых жители проданы в рабство. Место, где располагался город, засыпано солью. Впоследствии римляне вновь заселили Карфаген, однако поставили город на новом месте, неподалеку. Он стал главным городом римской Африки и одним из крупнейших городов империи (вначале Римской, а затем Византийской) вплоть до арабского завоевания.

К противнику Рим относился по-разному. Бесчисленные племена и народности завоевывал и приводил к покорности. Восставших — громил и наказывал. Если же Рим сталкивался с онтологическим противником, который не примирится с римским господством ни при каких обстоятельствах, — физически уничтожал. (Разумеется, если это было в его силах. Так, Персия не интегрировалась в пределы Рима, и на ее поглощение и удержание не было ни ресурсов, ни смысла.) Если бы карфагеняне лежали за рамками сферы геополитических притязаний Рима, они бы его не интересовали.

Посмотрим на то, как трудились на ниве уничтожения исторического противника римляне. Нам известны два народа — карфагеняне и евреи. Как же сложились их судьбы?

Карфаген разрушен, его население уничтожено (частично перебито, а остальные поставлены в условия, блокировавшие сохранение этнической и культурной идентичности). Живших в Карфагене потомков финикийцев уничтожили как этнокультурную реальность. Говорят, что потомки карфагенских колонистов в Испании

со временем влились в этнически близкий им еврейский народ. Сами же карфагеняне исчезли.

Карфаген был итоговой, суммирующей тысячелетний опыт развития версией финикийского города-государства. Оставаясь в рамках собственного, то есть исходного системного, качества, он не мог стать ни античным полисом, ни тем более эффективной и энергичной империей, в основании которой лежат полисная структура столицы метрополии и существенные компоненты полисного сознания. Ему оставалось биться до последнего. Неандерталец мог конкурировать, сражаться и отступать в противостоянии homo sapiens. Стать им он не мог по фундаментальным обстоятельствам. Такова жестокая диалектика истории.

Мы говорим о событиях, разворачивавшихся две с лишним тысячи лет назад. Вспомним, как сложно идут процессы догоняющей модернизации в странах второго эшелона, сколько проблем порождают, какими потрясениями — революциями, диктатурами развития, депопуляцией — сопровождаются. Наконец, оценим, все ли страны, включившиеся в догоняющую модернизацию, смогли преодолеть исходное системное качество и перейти порог, разделяющий экстенсивные и интенсивные общества. В описываемую нами эпоху не существовало ни понимания качественной дистанции между разными странами, ни идеи ее преодоления.

С Иерусалимом произошла сходная история. В ходе подавления восстания (Первая Иудейская война 66—71 годов) Иерусалимский храм и большая часть города были уничтожены. Половина жителей изгнана из города, а другая половина продана в рабство. В 117 году император Адриан посетил развалины Иерусалима и принял решение основать на этом месте новый город — Элию Капитолину с храмом Юпитера Капитолийского на месте храма евреев. Город заселялся римскими легионерами. После жестокого подавления восстания иудеев под водительством Бар-Кохбы в 132—135 годах евреям под страхом смерти было запрещено входить в город, за исключением одного дня в году — день поста, когда евреи оплакивают разрушение храмов. Запрет на посещение города евреями пережил Западную Римскую империю и продержался вплоть до VII века. Только в 614 году Иерусалим был захвачен сасанидами. Шахиншах Хосров II отменил запрет на доступ нехристиан в Иерусалим и отдал город в управление еврейской общине. Далее веками евреи, наряду с христианами и мусульманами, жили в Иерусалиме, который переходил от византийцев к арабским халифам, затем к крестоносцам, мамлюкам, монголам. Наконец в 1517 году город захватили турки-османы, которые владели Палестиной четыре века. Иерусалим превратился в маленький провинциальный городок. Захватившие Иерусалим в 1917 году англичане открыли эпоху британского мандата в Палестине. Британский мандат завершается в 1948 году с возникновением государства Израиль.

Итак, карфагеняне уничтожены. Евреи изгнаны из исторической родины, причем изгнание это пережило Римскую империю на многие века. Только через пятьсот лет после падения последнего остатка Рима — Византии произошло восстановление еврейского государства. В основе этого чуда — монотеистическая религия еврейского народа, верность которой спасала евреев от растворения, далее энергия и неукротимая воля этого народа, нацеленная на сверхценную идею возвращения на Святую землю и выстраивания на ней еврейской теократической государственности. В результате евреи не только самосохранились и пережили римлян, но и восстановили свое государство.

Посмотрим, что стало с государством и народом Рима. Государство пережило Ганнибала лет на шестьсот. Как и все под луною, римский народ смертен. Однако римляне породили романские народы Европы, охватившие более половины конти-

нента. Языковое, культурное наследие, история Рима сохранились в максимально возможной степени. Кроме того, романские языки выплеснулись в Латинскую Америку и стали родными для сотен миллионов людей. А от Карфагена остались фундаменты зданий, отдельные надписи и описания войны, сделанные римскими и греческими авторами.

И наконец, клятва Ганнибала наводит на размышления об основаниях и формах экспликации российского антизападничества. О картине мира и судьбах культуры, отторгающей Запад по метафизическим основаниям. Дело в следующем: на самых разных уровнях культуры и в разных зонах российского социального пространства возникает типологически единый феномен: А. Ф. Лосев и эмигрант Иван Ильин, Троцкий и маршал Тухачевский (помните «Даешь Варшаву, даешь Берлин»), старые марзаматики на московских улицах с плакатом «Дошли до Берлина, дойдем до Вашингтона», наши незабываемые телеведущие, упоминать фамилии которых нет нужды, неоевразиец Дугин, лауреат Международной премии Ким Ир Сена Александр Проханов и политолог Сергей Кургинян — все эти персонажи объединяет рефлкторное, до любых мыслей и соображений, отторжение Запада, коренящееся на уровне спинного мозга.

Отторжение Запада исходно, и переживается носителями российскоимперской идентичности как метафизическая характеристика бытия. В глубинном основании этого феномена — качественное различие локальных цивилизаций и, соответственно, ментальных конституций носителей российской идентичности. Европейское образование и европейский по внешним формам образ жизни маскировали такую дистанцию. Заданный образованием язык диктовал общий дискурс. Однако глубинная дистанция в понимании Вселенной, Божьего замысла о мире и человеке, месте этого человека в мире, целях и смысле его существования оставалась и диктовала варварски амбивалентное отношение к Западу: взять как можно больше самых разных благ цивилизации Запада, предметов, практик, моделей поведения и образа жизни, а потом разрушить этот богомерзкий мир, стереть его с лица земли. А если не удастся — отвернуться и пойти своей дорогой.

Дискуссии в данном лагере если и происходят, то по частным проблемам, Фундаменталисты предлагают с порога отринуть все, что идет от Запада, оставшись пусть с голой задницей, но в чистоте от душегубительных соблазнов, а люди, в большей мере затронутые потребительским аспектом вестернизации, предлагают взять как можно больше (разумеется, очистив от скверны — см: «пролетарская наука» и т. д.) и двигаться по собственному пути.

В этом отношении исторически регрессивный феномен обречен на клятву Ганнибала и борьбу до окончательного разгрома, перехода в другое качество или схождения в историческое небытие.

Есть особое, всепоглощающее чувство ненависти вымирающего динозавра к очевидно побеждающим млекопитающим. Интеллектуальное мужество на то, чтобы признать неумолимую логику исторического процесса, в соответствии с которой «мы» обречены уступить мир более успешным, дано далеко не каждому. Остается ненавидеть, обращаться к Баал-Хамону и уповать на последний бой.

Ганнибал — фигура великая и трагическая. Нам по прошествии двух тысяч лет легко анализировать, сопоставлять, указывать на альтернативы. Он был сыном своей эпохи, и эта диспозиция диктовала ему один путь — битвы до последнего. Величие проигравшего, да еще закрепившееся в исторической традиции победителей, уникально.

История человечества зафиксировала одну печальную закономерность развития истории как научной дисциплины. Дело в том, что история — это такая дама, ко-

торая каждый раз ложится в постель с победителем. Для того чтобы историки исследовали некоторое событие с объективно-отстраненных позиций, необходимы отсутствие идеологической преемственности и существенная историческая дистанция.

Тем значительнее для нас образ Ганнибала.

Завершая, скажем несколько слов об исходном предмете настоящей работы. Клятва Ганнибала — знак исторической обреченности. Силы, верные этой клятве, обрекают себя на крах дела всей жизни, а свои народы на катастрофу и стремительное схождение с исторической арены.

Во многих отношениях Рим не сахар. В системе реакционно-романтического сознания борьба с символом всемирно-исторической динамики может представлять занятием возвышенным и героическим. Но при всех обстоятельствах надо понимать, что эта борьба обречена на провал. Логика мировой истории заставляет субдоминанта кидаться навстречу гибели. Таковы безличные и жестокие законы живой природы. Так же ведет себя полный энергии самец, кидающийся в схватку с бесплодным доминантом. Инстинкты. Для молодых самцов динозавра или тигра подобное поведение нормально. Что же касается человека, то ему дана способность мыслить, а значит, шанс пройти путь осознания природы вещей и бессмысленности описанной битвы.

Карфаген погиб и практически не оставил по себе следов. Все, что мы знаем о нем, узнаем из уст победителей. Это страшная судьба. Дело не в личных качествах Ганнибала или Сципиона Африканского, дело не в тех или иных частных решениях, которые могли быть верными или ошибочными. Дело в логике всемирно-исторического процесса. Мир устроен таким образом, что семья жертвует индивидом, род — семьей, племя — родом, а биоценоз — отдельным биологическим видом. Повинуясь гормонам и инстинктивным программам, можно идти в мясорубку, а можно осознать диалектику истории и совершить спасительный выбор.